

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК

В характерной для XX века густой духовной тьме многочисленных святых Русской Церкви сияют как звезды. К примеру, Матрона. О степени ее почитания и о силе ее помощи говорят очереди людей к ее мощам в Покровском. Родилась в крестьянской семье в Тульской губернии. Кроме нее в семье еще было трое детей. Тех, что выжили. А вообще мать родила восемь раз. Четверо детей умерли в младенчестве.

Слово пастыря

Силуан Афонский. Через сердце и уста этого человека Дух Святой сказал короткие и бесценные слова на пользу и укрепление для всех рабов Божиих до скончания века: «Держи ум твой во аде и не отчаивайся». Родился в семье крестьян в Тамбовской губернии. Заметим: тоже крестьян. Я, собственно, к тому и веду – к социальному происхождению самых известных святых нашей Церкви в недалеком прошлом.

В семье церковных причетников из села Сура Архангельской губернии родился Иоанн Кронштадтский. Семья этого самого известного православного священника была бедна, и для прокорма нужно было трудиться, крестьянствовать. В такой же скромной, только городской семье причетника родился подобный Иоанну Кронштадтскому московский старец-священник Алексей Мечёв. Шестым из восьми детей явился на свет в семье сельского причетника одного из сел Тамбовской губернии будущий всемирно известный старец Амвросий Оптинский.

Из уже сказанного не трудно понять, что великая святость в детстве своем вырастала в атмосфере, далекой от «счастливого детства» в современном понимании. Нынешний ребенок – это сплошь и рядом «домашний бог». Ни труда, ни сложности, ни ответственности. Удовольствия, сладости, капризы. Мягкая постелька, никаких обязанностей, сотни «хочу» за день. Ничего подобного не было у Матроны, Силуана, Иоанна, Алексея, Амвросия. Еда скромная, которой нужно к тому же делиться (братьев и сестер у всех с избытком). Первая ложка – батьке. Труд с детства, послушание родителям, чья ранняя смерть зачастую заставляла повзрослеть не по годам рано. Быт традиционный и по нынешним меркам поистине аскетический. Нас бы туда, в тот быт – трудно представить, какого Лазаря бы мы записали. Однако продолжим.

Соименный Саровскому чудотворцу Серафим Вырицкий родился в крестьянской семье в Рыбинском уезде. Осиротев, приехал в Петербург и стал служить на посылах. Со временем открыл собственное дело и стал купцом 2-й гильдии. Торговал пушниной. Затем постригся в монахи вместе с супругой. Был духовником Александро-Невской Лавры. Известен как старец и великий молитвенник. Корни те же – крестьянская семья, труд с детства, терпение, настойчивость, молитва.

В семье черниговских крестьян родился известный на Украине преподобный Лаврентий Черниговский. Также рано осиротев, он выучился портняжному ремеслу, что-

бы вместо родителей быть кормильцем братьев и сестер. Был очень музыкален. Самостоятельно освоил скрипку. Управлял церковным хором. Был на Афоне, пережил оккупацию и советские гонения. Много пророчествовал о будущем Церкви и сложностях, которые ее ждут.

Такое изобилие выходцев из крестьян во святых не есть только наша черта. Широко известный старец Паисий Афонский тоже выходец из крестьянской семьи, только греческой. Много хорошего говорил он о скромном и благочестивом быте времен своего детства. Например, говорил, что многие крестьяне, не зная грамоты, по памяти знали множество молитв. Говорил, что, приготовив еду в семье, несли часть к соседям, и вообще умели делиться всем, что имели. Еще говорил, что умели жалеть скотину, потому что зависели от нее, и это тоже воспитывало в людях сердце милующее. Все это он говорил, с болью глядя на пресыщенный, эгоистичный мир, распространяющий свой зловонный дух по вселенной, как раковые метастазы.

Дополняя картину, можно вспомнить совершенно удивительного подвижника Феодосия Кавказского, который тоже родился в многодетной семье Пермских крестьян.

Очевидно, что сказанное не является исчерпывающим исследованием, но лишь указанием на движение мысли. Святость, та, которой мы гордимся и на помощь которой надеемся, не вырастала в теплицах, но только на свежем воздухе, открытая и ветрам, и зною, и холоду.

Множество священномучеников и исповедников советской поры, наряду с крестьянским, имели священническое происхождение. Они рождались в семьях обычных приходских священников (многодетных, как правило) и шли по проторенному пути: духовное училище, семинария, академия, монашеский постриг, архиерейство, труды ради Господа, гонения. И надо выкинуть также в то, чем был простой поповский быт в те годы, когда из многодетных священнических семей выходили церковные ученые, богословы, проповедники и исповедники. Это тоже был традиционный, неспешный, благочестивый быт, полный трудов и чуждый изобилия удовольствий.

Россия начала XX века – крестьянская страна. Откуда еще и брать святых в крестьянской стране, как не из крестьян? Но крестьянство – это не имя, указующее на род занятий или место жительства. Тогда бы предки в виде самоназвания избрали слово «землепашец» или «селянин». «Крестьяне» – это несколько изменившееся в звуке «христиане». Самоназвание русского народа происходило из веры, а не рода занятости. В этом смысле купцы, ремесленники и дворяне тоже были «крестьяне». Во всех сословиях зарождалась и появлялась святость. Из купцов был преподобный Серафим Саровский. Из дворян – Симеон Верхотурский. Но, безусловно, дворянство в количестве прославленных святых от крестьянства и купечества отстает. И дело именно в быте,

в характере воспитания, в закалке, полученной с детства, или ее отсутствии.

Причем достойно внимания: на заре христианской истории на Руси святость ассоциировалась с княжеским служением. Не только потому, что князья часто заслуживали имя благоверных. Народ еще был неучен. А близ князей были епископы, а значит – грамотность, книги, богослужение. Княжеские и боярские дети часто уходили в монастыри (Евфросиния Полоцкая, Сергей Радонежский, Варлаам Печерский и т.д.), сами князья покровительствовали духовному строительству, образованию и носили в душе монашеский идеал. А народ в массе своей только пропитывался новой верой, на что закономерно уходило столетия. Зато в ближайшие к нам исторические эпохи уже не княжеские дети принимали постриг, а крестьянские. И не княжеские устремляли мысль к Иерусалиму Небесному, а простые мальчишки и девчонки из земель Рязанских, Тверских, Тамбовских, Пермских. Совершилась смена первенства на пути к Царству Небесному.

И князья XIX века отличались от князей века XII-го, как земля от неба. Их уже не сажали в отрочестве на коня, не препоясывали мечом, не учили читать по Часослову. Они спали на перине, ели пирожные и лопотали по-французски с гувернером. А простой народ, напротив, почти не поменяв быт за долгие столетия, пахал сохой и сидел на репе. Но уже пропитался верой, полюбил Христа, устремил сердце к грядущему Царству. Конечно, не поголовно. Конечно, не стопроцентно. Но великое множество русских святых говорит о том, что Святая Русь была очевидным явлением, а не фантазией литераторов.

Теперь, после всего сказанного, остается непонятным одно, но очень важное. А именно: нам-то что теперь делать, когда нет ни князей, ни крестьян? После всех революций, эмиграций, коллективизаций у нас не осталось ни голубых кровей, ни традиционного крестьянского благочестия. Что не выгнали, то вытравили. А что не вытравили, то само зачахло. Ни князей благородных со светлым взором, ни традиционных многодетных пахарей с крестиком на шее. Зато есть готы, эмо, хиппи, рокеры, футбольные фанаты, наркоманы, гопники и еще много кого, плохо рифмующихся с идеей святости. И каково же после этого наше будущее? Честно говоря, о будущем стоит тревожиться. Но без паники. Без паники потому, что двери Царства открыты и закроет их только Христос во Втором пришествии. А пока нам оставлено покаяние, всеильное против всякого греха. И у Церкви есть Таинства, врачующие немощных и восполняющие оскудевших. Еще у нас должна быть зрячая любовь к Отечеству, уже одно лишь знание истории которого способно воодушевить и укрепить человека. Способно придать смысл его пресной и суетной жизни. И святые, которых мы поминаем, – это не тени, а наши живые братья и сестры, протягивающие к нам руки помощи из Царства света в королевстве кри- вых зеркал, то есть в день сегодняшний.

Протоиерей Андрей Ткачев

«Любить Бога побуждает нас уже само знание о нашем сотворении».

ДУШЕПОЛЕЗНЫЕ ПОУЧЕНИЯ

Посмотрите: что заставило великого Художника сотворить нас, призвать нас к бытию, как не Его благодать? Господь сотворил человека очень красивым, даровав ему прекрасное стройное тело, сообщив ему душевные и телесные чувства, посредством которых люди понимают друг друга и имеют взаимное общение. И в этом бесконечная благодать и любовь Божия к человеку...

Любить Бога располагает нас и знание о сотворении Богом окружающей нас природы. Для благодати Божией недостаточно было, что Он сотворил нас существами совершеннейшими других, но Он сотворил для человека и прекрасный окружающий его мир.

Для чего сотворил Бог светила небесные, прекрасные звезды, для чего сотворил землю, украсив ее бесчисленными растениями и цветами, плодовыми деревьями, лесами, реками, горами, установил различные времена года? Для человека, чтобы человек через все это познавал Бога, прославлял Его и блаженствовал здесь, на земле.

Для кого Бог наполнил воздух разнообразными птицами, моря рыбами, а землю всевозможными зверями и животными? Для человека, которого поставил царем над всем созданным.

Наконец, любить Бога располагают нас величайшие благодеяния Божии к падшему человеку...

Христос... будучи Истинным Богом, восседающим на Престоле славы Своей, сходит с Неба на землю, делается человеком, вступает в тягостные условия жизни человеческой, терпит лишения, скорби, труды, с лишком тридцать лет носит в Себе мысль, что Он должен тяжело пострадать на Кресте, три с половиною года терпит при Себе Иуду, предателя Своего, и обращается с ним как с другом, наконец, подвергается ужаснейшим унижениям, мучениям, смерти и при всем том нимало не охладевает в Своей любви к человеческому роду, который довел Его до Креста!

Напротив, Он день и ночь с полной любовью заботится о спасении людей, наставляет их с терпением и снисходительностью, благоволит им, врачует их, воскрешает мертвых, прощает людям их злобу и жесточение, плачет об их упорстве и погубели, молится Отцу Небесному даже за Своих распинателей, прося отпустить им тяжчайший грех – грех христоубийства. Жертва любви, принесенная за нас Богочеловеком, так велика, что мысль человеческая теряется, когда старается обнять и уяснить ее себе.

Невозможна любовь, большая любви к нам Богочеловека, положившего душу Свою даже не за друзей, а за врагов Своих» (Архимандрит Кирилл (Павлов), род. в 1919).

Один священник посоветовал ребенку внимательно помолиться и первый ответ, который услышишь в душе, когда нет с тобой опытного человека рядом, – от Бога, так говорят святые отцы. Правильно ли это?

Такой совет находится в ответах преподобных Варсонофия и Иоанна затворников. Но, возможно, ребенок, при живой фантазии, присущей детству, не сможет отличить голос Божий от собственного воображения или желания. Так что здесь под-разумевается определенная опытность в духовной жизни, а вопрошать Бога, то есть смотреть за первым движением сердца после молитвы, можно в случае, если невозможно увидеться с наставником. Я бы ответил ребенку, что надо советоваться со старшими, если они православные, а в важных случаях – со священником.

Вопросы священнику

Почему в греческой церкви исповедаться и поститься перед причастием не обязательно? Является ли это нововведением и реформами 1923 г. или это лишь традиция греческой церкви?

Обязательная исповедь перед причастием не относится к реформам 20-ых годов, а является традицией греческих церквей. Вычитываю правило с большим усилием, мерзкими помыслами, затем случается взрыв неуправляемого гнева против близких. Что делать?

Советую вам во время гнева не говорить ничего – ни хорошего, ни плохого. Первая победа над гневом – научиться молчать, отлагая все объяснения, хотя бы на 1-2 часа, а лучше на следующий день. На помыслы надо не обращать внимание, а продолжать молитвы.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

Новости Православия

09.11.2015. В ма- леньком селе об- новляется икона святителя Николая. Чудо произошло в селе Ягодинка Романовского района Житомирской области. Духовенство и верующие становятся свидетелями чудесных исцелений, происходящих по молитвам у старинного образа.

11.11.2015. Российская Дума приняла закон о неподсудности священников книг. Госдума приняла сразу во втором и третьем, заключительном, чтении президентский законопроект, которым запрещается признавать экстремистскими материалами содержание и цитаты из Библии, Корана, Танаха и Ганджуря.

12.11.2015. Мусульман в Финляндии теперь больше, чем православных. Все возрастающий поток беженцев привел к тому, что мусульмане стали второй по численности религиозной группой в Финляндии, потеснив представителей такой традиционной религиозной общины, как православная.

«Райские хутора» и другие рассказы священника Ярослава Шилова

Продолжение. Начало в № 20 (308)

Известно, что раньше священник на молебен о дожде брал с собою зонтик. Мне зонтик был без надобности, поскольку я успевал уехать на автомобиле до начала дождя, но люди-то оставались! И когда я недели через две снова попадал в этот край, то оказывалось, что ручьи вышли из берегов, мосты поносило, а сенокос может не состояться вообще, так что пора готовиться к голоду. Срочно служили другой молебен. Дождь прекращался, но в течение двух недель до следующего моего приезда засуха сжигала посевы и даже траву, так что голод опять оказывался неминуем. Либеральный газетчик организовал партию «зеленых», возглавил ее и в каждом номере публиковал передовую статью об угрозе глобальной экологической катастрофы в районе... И тогда вместо молебнов о ведре и дожде мы стали служить молебны, полагающиеся перед началом доброго дела. Тем более что к этому времени сложные крестьянских просьб стало представлять собою неразрешимую задачу: один – два дождичка для картошки, но чтобы сенокосу не повредить, а там для капусты маленько добавить, но не в уборочную, хотя и для грибов дождик не помешал бы, но без жары, чтобы не зачервивели...

Между тем пшеница выросла такой красивой, такой могучей, что это стало смутительной неожиданностью для нашего хозяйства. Со всего района съезжались специалисты: щупали, мяли и перетирали в ладонях шоколадные колосья, нюхали и жевали зернышки. Председатель рассказывал о составе почвы, сроках посева, количестве удобрений, и гости записывали, записывали. А жители нашей деревни то и дело просили исполнить по радио ласковую песню Исаковского «Стеной стоит пшеница золотая по сторонам дорожки полевой...»

Механизаторы, гулявшие в честь окончания уборочной, достоверно поведали мне, что урожайность оказалась такой громадной, что компьютер не вместил и на счетах котяшек не хватало. По всему получалось, сказали они еще, что с такой урожайностью наш колхоз сможет завалить пшеницей всю Европу, и даже Америке маленько перепадет. Но, конечно, не на этот год, а только на следующий.

Следующей весной я предложил агроному объехать с молебнами все поля. Агроном у нас женщина современная, гоняет на мотоцикле. Правда, забывает иногда, как тормозить, и оттого по временам в заборы врезается, но это уж... Прав был архиерей: «С женщин, наверное, и на Страшном Суде ничего не спросят. Ну что с них спрашивать? Чуда в перьях... Похоже, за все придется отвечать нам».

Она сказала: «Это все глупости для отсталых старух. Урожай зависит только от уровня агрокультуры».

Глупости так глупости. Для старух так для старух. Агрокультуры так агрокультуры. Но с тех пор на этом поле не вызревало уже ничего: ни рожь, ни ячмень, ни пшеница – все не угадывали с почвой, сроками, семенами и удобрениями, а если и угадывали, то случались поздние заморозки, град или еще что-нибудь непредвиденное, напоминавшее о том, Кто на земле Хозяин.

Так что Европу нам завалить не удалось. Да и Америке не перепало.

Крестины

Возвращаясь из соседнего района – по благословению архиерея совершал первое богослужение в восстановленном храме, а прямых дорог туда нет, надо давать большого крюка и даже выбираться в другую область, чтобы проехать на поезде. Вот и еду. Ночь. Клонит ко сну. Прошу проводника разбудить меня возле нужного полустаночка и засыпаю. А он сам проспал, и пришлось ехать до следующей станции.

Ночь, метель, кроме меня, никто не сошел с поезда. Бетонная коробочка-вокзал, расписание: обратный поезд после полудня, промерзшие скамьи... Постучался в дверь с надписью «Посторонним вход запрещен». Говорят: «Войдите». Вхожу: теплынь, и женщина-диспетчер сидит перед пультом. Объясняю ситуацию, прошу погреться. Разрешила и даже угостила чайком. Над пультом – схема железнодорожного узла: два магистральных пути и один тупичок – не больно сложно, два при-

знать. Работой она определенно не была перегружена, и мы потихоньку разговорились. Выяснилось, что мужа у нее нет, то есть он, конечно, был, но, как водится, сильно пьющий, и потому пришлось его выгнать, и от всей этой канители остался непутевый сын-школьник, которого надо бы, пользуясь случаем, немедленно окрестить. Еще выяснилось, что я смогу выехать в восемь утра на путевой дрезине, а до того времени в нужную сторону вообще никакого движения не будет.

Крестить так крестить. Осталось только дожидаться сменщицы.

– Как только кто-нибудь появится, пошлю за ней, чтобы пришла пораньше, она рядом живет.

Тут же и появился, да не кто-нибудь, а милиционер. Сказал, что в леспромхозе убийство и ему надо срочно ехать на следствие. Его и стоняли за сменщицей, а диспетчер тем временем связалась по радиостанции с машинистом попутного поезда, состав притормозил, и наш посылный отправился изучать унылые обстоятельства ординарной попойки, завершившейся столь печальным исходом.

После передачи дежурства сходили в бедную квартирку диспетчерши, окрестили парнишку, потом вернулись на станцию, где уже тархтела дрезина. Просторная будка была забита путевцами в рыжих жилетах: они заботливо усадили меня поближе к чугунной печурке, топившейся углем, а трельный чемоданчик и сумку с облачением пристроили у кого-то на коленях.

По временам дрезина останавливалась и кто-либо из рабочих выходил: в этих местах обыкновенно неподалеку от дороги стоял сарайчик – с инструментом, наверное. Остановились у переезда. Здесь был большой сараище, а кроме него целый хутор: дом, хлев, дровяник, колодец, стог сена... Стояли долго: рабочие уходили, приходили, совещались и уходили снова. Наконец выяснилось, что у хозяина хутора – путевого обходчика – недавно родился сын, и надо бы окрестить, а народ меня дождал: в графике «окно», дрезина никому не мешает.

Крестить так крестить. Пошел в дом. Спрашиваю, как назвали младенца. Оказалось – мой тезка, да еще полный: и отчества одинаковые. Обстоятельство это было воспринято как добрый знак и произвело на путевцев столь сильное впечатление, что уже через полчаса после совершения Таинства некоторые уложили свои светлые лики в тарелки. Остальные присоединились чуть позже.

Вышел на крыльцо, чтобы проветриться от табачного дыма, гляжу – стоит состав с углем. Я – к тепловозу: кричу машинисту и его помощнику, что все уже потеряли управленческие способности и некому стронуть дрезину с места. А они спокойно кивают и даже позевывают: ну, думаю, на пути духовного делания ребята достигли очень больших высот – полнейшего то есть бесстрастия...

Я полагал, что дрезину подцепят спереди и будут толкать, однако вместо этого помощник показал мне, как увеличивать скорость, как тормозить, и благословил отправляться.

...Перед входным светофором я снизил скорость – и хорошо сделал, потому что меня бросили на тупиковый путь, и дрезина запрыгала на стрелках, грозя соскочить в снег. Еще издали увидел я человека в красной фуражке, решил, что предстоит серьезные разговоры, и пошел сдаваться. Однако человек сказал мне: «Приветик», – и таким обыденным тоном, словно именно я каждое утро пригонял сюда эту дрезину.

– А где Семен-то? – спросил еще он.

Я честно признался, что не ведаю.

– Дак он что – не приехал?

Я даже огляделся, не вышел ли кто-нибудь, кроме меня, из пустой дрезины. Но нет: кругом никого не было.

– И Алик не приехал? – недоверчиво поинтересовался человек в красной фуражке.

– И Алик.

– И Федотыч?

– И Федотыч.

– А все-таки, где Семен-то?..

– Наверное, у тезки.

– У какого?

– У моего.

– А-а, – и пошел на станцию.

По главному пути прогрохотал товарняк. Знакомый помощник машиниста смотрел в окошко. Я помахал ему рукой, однако ответа не последовало: лишь проводил меня задумчивым

взглядом.

Подвернулась попутка: водитель был из нашего района и знал меня. Он рассказал, что у него тяжело заболел сын и надо было срочно окрестить.

Крестить так крестить. Сил у меня уже не оставалось: на всякий случай приметил, как переключаются скорости, и заснул.

Пчелы

Фруктовые деревья в нашем краю не растут. Километров на триста южнее – пожалуйста: есть и вишни, и яблони, а у нас – нет, вымерзают. Зато хорошо растут ягодные кустарники и многолетние травы. А это значит, что здешняя земля в цветении с первых теплых дней и до самой осени. Стало быть, пчелиного продовольствия предостаточно. Беда в том только, что теплые дни приходят поздно. Обыкновенно в конце марта наступают сильные оттепели: снег в полях тает, бегут ручьи, лед на реке покрывается водой, однако эта весна длится всего неделю. Потом вновь холодает, начинаются снегопады, метели, поля зарастают сугробами, лед на реке становится толще и крепче, и даже северные сияния еще случаются иногда. И лишь в начале мая приходит весна бесповоротная. Но опять очень нетеропливая: ночные холода продолжают едва ли не до июля. А в сентябре случаются первые утренники. То есть пчелки здешние, чтобы выжить, должны иметь в характере горячую авральность.

И вот один авантюристический человек, слышавший отъявленным пчеловодом, пригласил меня освятить пасеку. Никогда ранее знакомства с пчелами водить мне не приходилось, но в Требнике «Чин освящения пчел» наличествует, так что, думаю я себе, и до меня батюшки как-то справлялись, и не слышно, чтобы кто-нибудь из них был заживо съеден. Но все равно было...

Приезжаем: сорок ульев, и гул стоит, как на аэродроме. Прочитал я в сторонке начальные молитвословия, а дальше написано: «Окропляет иерей места пчел вся». Ну, что делать? Пошел окроплять «места вся». Иду, словно во сне, а они, как пули, туда – сюда пролетают... Вернулся, отдышался, прочитал следующие молитвы, глядя: «И паки окропляет место пчел». Пошел паки, уже постелее: чувствую, дело делается не просто так, а охранительно – все пули мимо летят. И снова вернулся. Прочитал отрывок из Евангелия от Луки, как воскресший Христос явился ученикам, убоявшимся такого чуда, попросил еды, и они дали Ему печеной рыбы и «от пчел сот». А следом новое указание: «И паки кропит место пчел»...

Тут уж я выступил совершенно спокойно: размахался кропильником так, что для них вроде как ливень произошел, – но ничего, не рассердился нисколько.

Вот уж, думаю, воистину твари Божии – претерпели меня, не ужалили. И не от разума это у них – ну зачем им, действительно, такие маленькие головешки человеческими проблемами забивать, – а от неукоснительного «хождения» пред Творцом и, значит, всегдшной готовности к послушанию Его воле. Есть чему поучиться...

Впрочем, как говорил один закарпатец-строитель: «Учиться можно у всех – даже у свиньи: кушает любую гадость и все обрацает в наилучший продукт».

Письмо к лешему

Воскресный день, литургия... «Еще молимся о милости, жизни, мире, здравии, спасении, посещении, прощении и оставлении грехов рабов Божиих...» – и читаю записки: «Графиды» – понятное дело, Глафиры, «Великоницы» – Еликоницы, «Ирины» – Ирины, «Опоросиньи» – Евфросинии, а «Полухерии» – Пульхерии. Илон, Крисов и Лайм приходится опускать – это некрещенные дети несмышленных родителей.

Потом «еще молимся о упокоении душ усопших рабов Божиих»: «Сахардона» – то есть Сакердона, «Ареста» – это Орест, «Вилена, Кима, Новомира и Энгельса»...

– А это, – спрашиваю, – что за люди?

– Дак они, – отвечают, – крещеные. Раньше, пока вас не было, у нас бабки крестили: молитовку погундят, а уж как родители назовут, в том наименовании и оставляли. А Энгельс – Геля, стало быть, – хорошее имя, у нас Энгельсов много...

И вот захотелось мне познакомиться хоть с одной такой «бабкой», которая по дерзновению своему крестила здешних младенцев – Новомиров и Энгельсов.

Продолжение следует

Отметки

Однажды, когда авва Еллин был один в пустыне, ему захотелось меда. Скоро нашел он под камнем соты и сказал: «Удались от меня необузданное похотение, ибо писано: поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти (Гал. 5, 16)», – и, оставив соты, удалился.

Авва Пимен поведал об авве Иоанне Колове следующее. Он умолил Бога, и отняты были у него страстные вожделения. Он ощутил ненарушимое спокойствие. Тогда он пришел к некоему отцу и сказал: «Вижу себя спокойным, не имеющим никакой брани». Старец отвечал ему: «Иди и умоли Бога, чтоб возвратились брани и то сокрушение сердца и смирение, которые ты имел прежде: по причине браней душа приходит в преуспеяние». Иоанн испросил у Бога возвращения браней, и когда пришли брани, он уже не молился об освобождении от страстей, но говорил: «Господи! Даруй мне терпение в брани».

Однажды к матери Сарре пришли пустычники. Она предложила пришедшим корзинку с плодами. Оставляя хорошие плоды, они ели только гнилые. Сарра сказала им: «Поистине вы пустычники!»

Один из старцев говорит: «Видел я в Келлиях брата, постившегося всю Страстную седмицу. Когда наступал вечер (субботний), он уходил в церковь, чтобы не вкушать. Вообще он ел только немного свежлы с солью и без масла».

Рассказывали об авве Сисое: «Он не ел хлеба. В праздник Пасхи братия упрашивали его разделить с ними трапезу. Старец сказал им: «Я одно что-нибудь могу сделать: буду есть или хлеб, или яства, вами приготовленные». Они сказали ему: «Ешь один хлеб». Так он и сделал».

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в Главном редактор – настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: Наш адрес: 3300, Молдова, г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел. (+373 533) 2-46-97. г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!